

доступу: http://www.liberation.fr/livres/1999/05/06/le-sens-du-rythme-ce-ne-sont-pas-les-mots-qu-il-faut-traduire-mais-le-rythme-du-discours-poete-tradu_272238.

15. Steber Ch. Quand je mourrai... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olesplouchtch.blogspot.com/2013/10/taras-chevtchenko-testament.html>.

Н. П. Лебедеико

А. С. ПУШКИН В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Вопрос об отношении Шевченко к Пушкину, о восприятии и оценке его творчества в научной литературе не нов. Уже в восьмидесятых годах XIX века И. Франко в одной из самых интересных своих работ, посвященных личности и творчеству Шевченко «Дополнения к оценке поэзии Тараса Шевченко», во второй ее части, с символическим названием «Темное царство», отмечал: «Три великих русских писателя – Пушкин, Грибоедов и Лермонтов, все преждевременно сошли уже в могилу, но произведения их, особенно те, которые могли быть сочтены последним словом каждого из них («Горе от ума» Грибоедова, «Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова) жили в среде читающей публики и производили большое влияние на мысли и убеждения [...] Невозможно, чтобы Шевченко, живя в то время в Петербурге, не был также увлечен этой великой волной прогрессивного движения, чтобы его горячая молодая душа не повернулась также в новом направлении, тем более, что и собственные его мужицкие симпатии издавна тянули его в ту же сторону» [2, с. 10].

Замечательно, что И. Франко обозначает художественные ориентиры («Горе от ума» Грибоедова, «Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова), формирующие широкое общественное сознание, показывает, в атмосфере каких нравственных исканий рос и мужал гений Шевченко, характеризует саму эпоху как «великую волну прогрессивного движения», которая не могла не увлечь поэта.

Отметив, что Шевченко, живя в 40-х годах XIX века в Петербурге, «вращался в кругу высокообразованных людей, свободный и любимый своими земляками и чужими», И. Франко первым в украинской критике поставил вопрос о том, чье творчество способствовало утверждению высоких гуманистических идеалов творчески мыслящей интеллигенции сороковых – пятидесятих годов XIX столетия, чьи художественные достижения определяли вектор развития новой поэтической системы, у истоков которой, подобно Пушкину в русской, в украинской литературе стоял Т. Г. Шевченко.

Ведущими отечественными учеными неоднократно поднималась тема «Пушкин и украинская литература». Об этом свидетельствуют труды А. Белецкого («Пушкін і Україна»), Н. Гудзия («О. С. Пушкін в українських перекладах»), Н. Крутиковой («Пушкин и украинская литература»), Ф. Неборячка («Пушкін українською мовою»), М. Пархоменко («Иван Франко и Пушкин»), Е. Нахлика («Доля – Los – Судьба: Шевченко і польські та

російські романтики»), Н. Шляховой («Пушкін і Шевченко в антропологічній інтерпретації Євгена Нахліка») и др. [1].

В трудах этих ученых освещались важнейшие вопросы русско-украинских литературных взаимоотношений, отмечался интерес русского поэта к украинской истории и культуре, содержался анализ украинских художественных переводов произведений Пушкина, осуществлялось сравнительное сопоставление Пушкина и Шевченко как основоположников новых поэтических систем, предлагался сравнительный антропологический подход, позволявший ученым определить креативную сущность человеческого естества, врожденные склонности, стремления, таланты, которые приоткрывали покров «тайны гения» (Д. Мережковский) Шевченко и Пушкина и т. д.

В данной статье предлагается взгляд на проблему Шевченко и Пушкин в контексте актуального для современного литературоведения контактного метода исследования феномена «бытового Пушкина»: имя Пушкина, его окружение, пушкинские реминисценции – в повседневной жизни Шевченко, как и в его творчестве, – совершенно естественны и представлены достаточно широко.

Великий украинский поэт по счастливой случайности успел еще ощутить дух той эпохи, которую впоследствии ученые определяют как «пушкинскую эпоху», а эпистолярное и мемуарное наследие Шевченко убедительно свидетельствуют о характере той атмосферы, в которой формировалось отношение поэта к личности и творчеству Пушкина.

Особенно показательными в этом плане представляются дневники Шевченко, поскольку дневнику поверяется самое сокровенное, дневник является фактическим отражением внутреннего мира автора. Гармоническое сочетание этических и эстетических начал, чуткость к динамическому развитию жизни, отражение стремлений, духовных запросов автора, обуславливают глубину и аналитического, и художественного постижения как явлений действительности, так и явлений искусства, что и определяет содержательность и живость дневниковых записей.

На страницах дневников поэта встречаются упоминания произведений Пушкина: поэма «Анджело» (19 июля 1857 г.) [4, с. 62], повесть «Станционный смотритель» (12 декабря 1857 г.) [4, с. 133], драматические «Сцены из рыцарских времен» (12 января 1858 г.) [4, с. 143], «Каменный гость» [4, с. 143], поэма «Руслан и Людмила», стихотворение «Пророк», строчки из шестой главы романа «Евгений Онегин» («Вперед, вперед, моя история, / Лицо нас новое зовет» (21 июня 1857 г.) [4, с. 22], перефразированные строчки из него же: «Одних уж нет, а те далече, как Пушкин некогда сказал...» (У Пушкина: «Как Сади некогда сказал») в письме к С. С. Гулаку-Артемовскому от 15 июня 1853 г. [5, с. 70] и т. д. Самые близкие представители пушкинского окружения (В. А. Жуковский, И. А. Крылов, М. С. Щепкин, К. П. Брюллов) либо принимали участие в жизни Шевченко, как Жуковский и Брюллов, либо были его близкими друзьями, как М. Щепкин.

В то же время следует отметить, что «феномен бытового Пушкина»

является показателем самого высокого культурного уровня Шевченко, когда общая эрудиция и органическая духовная общность с творческим наследием другого писателя (в данном случае – Пушкина) приводят к тому, что он постоянно цитируется, имена героев, названия его произведений, случаи, описанные в них, особенно характерные действия персонажей, их выражения и поступки естественным образом вплетаются в речь, используются в качестве аргументов или иллюстраций к простым бытовым ситуациям.

В дневнике 12 января 1858 года описан один эпизод из жизни Шевченко. Эта запись: «...Заехал к Бабкину на квартиру, взял у него Пушкина и Гоголя и повез к Пиуновой. Прочитал ей «Сцены из рыцарских времен» и отогрел губернаторским холодом обвеянную душу. Она прочитала мне «Каменного гостя...» [4, с. 143], – говорит не только о том, что Шевченко, влюбленный в Пиунову, читает своей девушке произведения Пушкина, но, что очень показательным, именно чтение этих произведений «отогревает» душу поэта, «обвеянную губернаторским холодом».

В дневниковой записи от 19 июля 1857 года Шевченко описывает известный ему по слухам скандальный инцидент, произошедший в Вологде, когда гражданскому губернатору Н. Э. Писареву какой-то чиновник в церкви во время обеда дал пощечину. Этот случай послужил зарождению замысла будущей поэмы: «В ожидании утра я [...] построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенеся место действия на Восток. И назвал ее «Сатрап и Дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно спроектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски» [4, с. 62].

Эта дневниковая запись Шевченко говорит нам не только о плане, частично реализованном в незавершенной поэме «Юродивый», но и о том, какое пушкинское произведение служит ему художественным и нравственным ориентиром. И еще одно попутное замечание. Сожалея по поводу того, что он «плохо владеет русским стихом», Шевченко явно при этом ориентируется на уровень «владения русским стихом» Пушкиным, сопоставляя поэму «Анджело» со своей будущей поэмой «Сатрап и Дервиш», которую он адресует именно русскому читателю, не владеющему украинским языком. Эти мемуарные свидетельства наиболее убедительно доказывают факт самого уважительного отношения поэта к личности и творчеству Пушкина.

«Феномен бытового Пушкина» в случае с Шевченко, внешне оставаясь таковым, превращается в «феномен эстетической оценки Пушкина», поскольку даже «бытовой Шевченко» – всегда «Шевченко – художник», «Шевченко – поэт». В качестве примера следует привести эпизод из во многом автобиографической повести Шевченко «Художник»: «За чаем Карл Павлович прочитал «Анджело» Пушкина и рассказал, как покойный Александр Сергеевич просил его написать с его жены портрет и как он бесцеремонно отказал ему, потому что его жена косая. Он предлагал Пушкину с самого его написать портрет, но Пушкин отплатил ему тем же. Вскоре после этого поэт умер и оставил нас без портрета. Кипренский изобразил его каким-то денди, а не поэтом» [3, с. 159]. В последней фразе героя

повести, в которой художник дает оценку произведения другого художника, Кипренского (речь идет об известном портрете Пушкина), замечательно то, что в этой оценке проявляется не только взгляд живописца на произведение живописи, но, прежде всего, – взгляд поэта на другого поэта, которого он оценивает не как «какого-то денди», а как поэта.

Упоминания и обращения к Пушкину у Шевченко носят повсеместный характер. В его художественных произведениях, преимущественно в повестях, написанных на русском языке, мы встречаемся и с прямым цитированием пушкинских строк, и с аллюзиями, и с литературными реминисценциями из произведений Пушкина.

В повести Шевченко «Близнецы» Савватий Сокира, герой произведения, проездом оказывается в находящейся недалеко от Оренбурга Татищевой крепости, которую в свое время осаждали войска Емельяна Пугачева, что вызывает у героя прямую ассоциацию с пушкинской повестью: «Я отдал подорожную смотрителю, а сам остался на улице, и, пока переменяли лошадей, я припоминал «Капитанскую дочку», и мне как живой представился грозный Пугач в черной бараньей шапке и в красной епанче, на белом коне» [3, с. 81].

В «Прогулке с удовольствием и не без морали» герой уже в ироническом контексте обращается к роману Пушкина: «Я подобно Чацкому. Как выразился бессмертный поэт, он попал с корабля на бал, а я с телеги да прямо за стол [...]», имея в виду строки из восьмой главы романа «Евгений Онегин»: «Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на бал» [3, с. 229].

Далее в этой повести в начале X главы описывается мирный сельский пейзаж, вечерняя заря, умиротворяюще действующие на героя: «Глядя на этот невозмутимый мир природы, сладкие успокоительные грезы посетили мою тревожную душу:

Не для волнений, не для битв –
Мы рождены для вдохновений,
Для звуков сладких и молитв

Стихи Пушкина не сходили у меня с языка, пока мы не подъехали к селу» [3, с. 307]. Герой повести цитирует (хоть и неточно) строки из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа», известные тем, что вызвали бурную дискуссию в среде литературных критиков о позиции Пушкина в вопросе о роли искусства в жизни общества. В результате дискуссии в адрес Пушкина поступили и прямые обвинения в приверженности его к теории «искусства для искусства». Этот факт (цитирование известных строк из пушкинского произведения) позволяет нам определить не только взгляды самого героя повести на этот вопрос, но и то, что герой повести, в определенной степени, выражает и мнение самого Шевченко.

Можно было бы утверждать, что и герой, и автор, являясь сторонниками мирной жизни, находящейся в гармонии с природой, полностью убеждены в истинности пушкинского тезиса о том, для чего рождены подлинны поэты – «для вдохновений, для звуков сладких и молитв». Однако последнее предложение цитированного отрывка: «Стихи Пушкина не сходили у меня с языка, пока мы не подъехали к селу», – наводят на мысль о том, что автор

повести очень деликатно дает понять читателю, что романтический максимализм пушкинского тезиса корректируется самой жизнью: герой повести, подъехав к селу оказывается уже в иной, несколько бурлескной атмосфере встречи с Прохором: «И вместо обыкновенного приветствия произнес он клятвенное обещание в том, что не будь он Прохор Хиврыч, а будь он собачий сын, если он с этого часу отпустит меня от себя хоть на две пяди, – возьму, говорит, на веревку, та й буду водить, як того медведя...» [3, с. 307]. Такое совмещение разностилевых пластов говорит само за себя: жизнь гораздо шире и многограннее любых теоретических построений и эстетических максим, и подтверждается это самим фактом содержания данной повести.

Однако полемика с предшественником не означает неприятия или отрицания в полном объеме его творчества, особенно, когда вопрос касается большого художника, более того, полемика художников такого уровня приводит к большим творческим достижениям. Шевченко, называя Пушкина и «великим», и «бессмертным», не только таковым его считает, но и доказывает это своим творчеством.

Как видим, восприятие личности и творчества Пушкина великим украинским поэтом носило органический и глубоко творческий характер. В то же время само содержание шевченковской рецепции Пушкина в очередной раз становится доказательством того, что подлинно гениальные поэты – «всечеловечески восприимчивые» и в то же время удивительно «всечеловечески отзывчивые» (Ф. Достоевский) художники, с благодарностью, любовью и благоговением относящиеся к своим предшественникам и к их творчеству.

Список использованных источников

1. См.: Білецький О. І. Пушкін і Україна // Білецький О. І. Зібрання праць: У 5 т. – К.: Наукова думка, 1966 – Т. 4: Російська література та російсько-українські літературні зв'язки. – 679 с.; Гудзий Н. К. Поезія О. С. Пушкіна в українських перекладах // Вітчизна. – 1955. – № 8. – С. 108 –124; Крутікова Н. Є. Дослідження і статті різних років. – К.: Стило, 2003. – 539 с.; Неборячок Ф. М. Пушкін українською мовою. – Львів: Наука, 1958. – 200 с.; Пархоменко М. Н. Иван Франко и русская литература. – М.: Гослитиздат, 1954. – 243 с.; Нахлік Є. К. Доля – Los – Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. – Львів: НАН України, Львівське відділення Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка, 2003. – 568 с.; Шляхова Н. М. Пушкін і Шевченко в антропологічній інтерпретації Євгена Нахліка // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора А. А. Слюсаря. – Одесса: Астропринт, 2010. – С. 159-166.
2. Франко І. Я. Твори: В 20-ти т. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1955. – Т. 18: Літературно-критичні статті. – 570 с.
3. Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: У 6 т. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 4: Повісті. – 600 с.
4. Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: У 6 т. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 5: Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Букварь южнорусский». Записи народної творчості. – 496 с.

5. Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: У 6 т. – К.: Наукова думка, 2003. – Т. 6: Листи. Дарчі та власницькі написи. Документи, складені Т. Шевченком або за його участю. – 2003. – 632 с.

Т. Н. Лебединская

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Творчество Т. Г. Шевченко имело разнообразные и глубокие связи с русской литературой. Для русских писателей поэзия великого Кобзаря была родной и близкой. Это подтвердил Н. П. Огарёв. В предисловии к изданию «Русская потаенная литература XIX столетия» критик отмечал: «Шевченко, народный в Малороссии, с восхищением принятый в русской литературе и стал для нас родным» [3].

Современник Т. Г. Шевченко и соратник по перу Н. А. Некрасов дал высокую оценку поэту, приложил немало усилий для популяризации его творчества. Он был экспертом в судебном процессе между издателями И. Т. Лысенковым и Д. Е. Кожанчиковым. Этот процесс возник вследствие того, что И. Т. Лысенков, купивший у Т. Г. Шевченко оригинал его сочинений «Чигиринский Кобзарь» (1840 г.), а также 800 экземпляров «Гайдамаков» (1841 г.) считал, что ему навсегда передано право на издание этих сочинений и он является единственным собственником всего поэтического наследия поэта. Поэтому выход в свет «Кобзаря» (1867 г.), в который вошло около 150 ранее неопубликованных произведений, И. Т. Лысенков полагал незаконным и начал против Д. Е. Кожанчикова судебный процесс, длившийся с 1867 по 1873 гг.

Выступая на суде, Н. А. Некрасов отстаивал целостность поэтического наследия Т. Г. Шевченко и право издателя.

Интерес к творчеству украинского поэта проявлял также Н. Г. Чернышевский. Еще когда Т. Г. Шевченко был в ссылке и его имя не позволяли упоминать в прессе, Н. Г. Чернышевский в рецензии на работу Г. Данилевского о Г. Ф. Квитке-Основьяненко в 1856 году назвал Т. Г. Шевченко писателем необыкновенным. После ссылки поэт подружился с Н. Г. Чернышевским, бывал у него дома, оба посещали вечера у Н. И. Костомарова, К. Д. Кавелина, Л. А. Мея, встречались в редакциях журналов «Современник» и «Основа». Н. Г. Чернышевский неоднократно подчеркивал, что благодаря Т. Г. Шевченко украинская литература стала в один ряд с мировой. «Имея такого поэта, как Шевченко, малороссийская литература теперь не требует ничьей ласки» [4].

Довольно значительное место в популяризации творчества Т. Г. Шевченко принадлежит академику А. Н. Пыпину, двоюродному брату Н. Г. Чернышевского, который считал великого Кобзаря выразителем дум и чаяний поработенного народа. В книге, написанной в соавторстве с А. Д. Спасовичем «История славянских литератур» (Т. I, СПб., 1879), он правдиво изложил факты его биографии, указывал на неразрывную связь